

АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО
(р. 1940)

① ЭЛЕГИЯ →

Наступил на нас мороз,
говорить не можем слова.
Как подумаешь - тунгус
ждет богатого улова.

Звезда полярная - медведь,
кометы хвост ему назначен,
как хорошо в снегах лететь,
когда весь мир переименен.

Когда подумаешь - узбек
песок кладет себе на брюхо,
а ты летишь наискосок
и перевести не можешь духа.

Когда, качаясь, деревья
идут вдоль темного забора,
ты улетаешь в Ереван,
с усмешкой глядя на помора.

Помор! Зачем тебе вода?
Зачем ты плаваешь на льдине?
Смотри - еще летит куда
твой бог обугленный и синий.

Смотри - еще бегут куда
твой утрюмые олени,
смотри - еще уйдут куда
детей невидимые тени.

Январь 1965 /

③ ВОТ →

Вспорхнул на ветку клена Вот
И Что увидел за листом,
Где Муравей сыскав забот,

а теперь
Рпанга на пузо
и клубиться
настало мгновенье
радуйтесь гены
что Рпанга пузырь
уж не
геномобилен

← 1965 /

АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО,
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

(ИЗ "СОБРАНИЯ ПЕСЕН")

ПРОЩАНИЕ СО СТЕПЬЮ

Л. Н. Гумилеву

курсе

Степь ты, полустепь, полупустыня,
Все в тебе смешались времена,
Слава нам твоя явлена ныне
А вдали Великая стена-стена.

Поднимает ветер тучи пыли,
Огибает солнца медный круг,
Где же вы, кто жили, что тут были?
Где же вы, куда ^{куда} исчезли вдруг?

Где телеги ваши и подруги,
Недоуздки, седла, стремена,
Удила и дуги, дуги, дуги?
Где колена, орды, роды, племена?

Были вы велики непомерно,
Угрожали всем, кому могли,
Много-многолюдны беспримерно
На просто-то-торах высохшей земли.

Что же вы, ужели на задворки
Толпы, куры-куры-куры-кан,
Туру-туру-турки, торки, торки,
Керайт-найман-меркит-уйгурский хан?

Где татаб-ойротские улусы,
Где бурят-тангутская сися?
Ого-го-огузы, гузы, гузы,
Где-те-те-теперь вас много лет спустя?

Вы же ку-жу-жу в Жуань-Жуане,
Вы же ни-ни-ни-ни-никогда,
Вы же знаменитые жужжане!
Что же вы, уже-ужели навсегда?

Как же вы лишь Гогам, лишь Магогам
Завещали ваш прекрасный край?
Что же вы, раз так - жужките с Богом,
Ты, струна моя, одна теперь играй.

Степь ты, полустепь[?] = Полупустыня,
Все в тебе смешались времена,
Слава нам твоя явлена ныне,
А вдали стена, великая стена.

А.Х.В.

~~Москва, 12.1971~~
← Декабрь 1972

П Е Т Р Ч Е Й Г И Н
(р. 1948)

<Слог: "Третье поколение..."
(с л. 283) !

х х х →

Что же смертного, брат?
Что же смертного ты мне расскажешь?

На Крещение зима объявила
горчи́чный фантом.

Распахнулась болезнь,
наш отец все сидит, не приляжет,

кашель-камень кружит,
дом обходит, редеющий дом.

О природе бровей
догадайся - не выложит Боже.
Смерть - любое число,
а его календарь не найдет.
Флейтик в лае застрял,
Кайрос дергает вожжи,
бег смягчает нарочно.
Что такое? Скажи? - Снег идет.

Есть начальная песня,
добиблейский фонарь, знак пустыни.
Ей сказать,
да из детского сна не достать.
Обнищала зима,
еле-еле накланчит на иней.
Кайрос саночки рвет,
ветер носится, не удержать.

Удержу, говорю.
Даже если воронья семерка
оборвет небосвод
и на скатерть положит металлы...
Все молчит наш отец,
все печалится маятник мертвый.
Что же смертно, брат,
ты расскажешь, а я передам?

Февраль
~~1973~~ 1973

х х х →

То ли женщина холодом выдохнет
в глубь ледяного стекла,
то ли строчку пробьет
на машинке гремющей, под утро,
выпив чайник воды,

одноглазый скупой грамотей.
Или жилка набухнет
у грязной старухи под пудрой,
Или рыбкой объявится
сгнивший фабричный ручей.

Все отложится в памяти
синим по белому полю.

< 1973 >

① х х х →

Третье поколение
по скворечникам селилось,
тюрю ело.

По еловым отдаленьям
по стволам сидело,
кукарекало.

А в четвертом был дурак.
Ну-у дурак.

Муравьиный спирт не лил.
Думал.

И в ночи, и в белый день
не спал.

На березовой хрустинке
рисовал.

Слово строил.

Да и смерть избрал лихую -
сгорел.

И по трем дорогам ветер вывел прах.
На развилке был поставлен Храм.

Слово Бог взял.

1970

ВАЛЕРИЙ ЧЕРЕШНЯ
(р. 1948)

х х х →

Женщине, живущей в десяти
метрах, среди старых фотографий,
пожелтевших грамот-эпитафий,
тумбочек таких, что не пройти
в угол, к занавешенной кровати;
комнате, как стону об утрате,
запаху старенья и тоски, -
я не посвятил ещё строки.

Между тем, знакомей хрестоматий
эта жизнь - заплатата на заплате,
правда, - телевизор (Чем и жить?!);
пенсия за сына или мужа,
крохи за поденный тихий ужас, -
можно бы, пожалуй, свести концы,
но здоровье с каждым годом хуже, -
главное, что незачем сводить.

Эта жизнь настолько бессловесна,
так определённо-равновесна:
тождество себя - самой себе.
Вечер. Телевизор блеклой тканью
покрывает скатерть, чай, десерт...
Женщина согрета ожиданием:
после новостей пойдёт концерт.

х х х →

В моей чернильнице давно живет паук,
И я тихонько трогаю рукою
Тончайших нитей серебристый пук,
Осыпанных чернильной мукою.

Здесь целый мир, засохшая страна,
Где есть хребты, долины и вулканы,
Прекрасный мир, без цели и творца,
Он так похож на мой, что даже странно...

ГАРНИЗОННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

Плакаты повествуют пятилетку
И закрывают старую решетку,
А вместе с нею одичавший сад.
Солдат хохочет, охмуря Светку,
Он много хочет, в том числе и водку,
Но он и просто зубоскалить рад.

Большие окна операционной
Зеркально слепы, словно катаракта
Им помогает небо отражать.
Полковник возвратился с моциона,
Он перенес плеврит и два инфаркта
И третьего уже недолго ждать.

Легкобольные мучают котенка,
Потом теряют интерес и к жертве
И затевают беспредметный торг.
Полковник отошел и встал в сторонке,
Он смотрит в сад, где тяжело бьют ветви
И осеняют неказистый морг.

Есть просто жизнь, которую снаружи
Не обозначить словом лучше, хуже,
И взгляд невольно тянется к стволу;
Особенно, когда в газонах лужи,
Особенно, когда дремучий ужас
Овладевает вопреки уму.

Сквозящий день поносит облаками,
Он носит семя счастья и тревоги
И вечный сад бесплодием объят.
Я думаю как мы легки словами,
Но мне приходит полурифма: сроки,
А я и этой жалкой рифме рад.